

Тонкие всхлипы ребенка следовали за мной, почти звеня у меня в ушах, когда я слегка приоткрыл глаза. Тонкие лучи света больше не проникали из-под занавесок, указывая на то, что сейчас ночь. Кто плакал? Почему они плакали? Я слабо закашлялся, моя грудь чувствовала дискомфорт, когда последние следы моего сна ускользали сквозь пальцы, словно вода.

- В-воды.. - позвал я, мой голос звучал хрипло, как будто у меня простуда.

Из беспокойства я положил руку на лоб, игнорируя тупую боль в кончиках пальцев, когда чрезмерная жара коснулась моей ладони. Я раздраженно закатил глаза. Помимо превращения принцессы Зимы в слабохарактерного, незначительного персонажа в новелле, похоже, у нее была и слабая физическая конституция.

Я слышу, как кто-то шевелится в комнате, и тревожно смотрю влево, чтобы увидеть, как Эмма подходит ко мне.

- Ваше высочество, вы больны, - говорит она сухо, наливая мне прохладный стакан воды, поскольку мои руки все еще не в порядке.

- Действительно, - сухо отвечаю я между глотками воды. Вопрос о моей болезни отходит на задний план, когда я с нетерпением смотрю на Эмму.

- Ты это сделала? - шепчу я возбужденным, приглушенным тоном.

Она кивает, и на моем лице появляется первая улыбка за 24 часа.

- Хорошо, хорошо. Ты лучшая! Там, в ящике, лежат 2 монеты для тебя, - говорю я. Эмма быстро забывает поить меня водой, ловко перекатывая монеты в руках, прежде чем они исчезают в ее переднике.

- Одна для моего друга, который доставил письмо, - говорит она. Я понимающе киваю.

- Там есть еще одна сумка в ящике, ты можешь раздать по одной каждому из твоих друзей, если они согласны сделать то, о чем я просил.

Я сразу же перехожу к делу. Одним из самых важных уроков, которые я вынес из своих университетских курсов, является важность сарафанного радио. Учитывая, что я планировала работать в сфере связей с общественностью, я очень хорошо понимаю, какое влияние клевета или похвала могут оказать на имидж человека.

Я еще не понимаю планировку Радовальска и его социальных кругов, поэтому и вопросы получения, и распространения информации для меня затруднительны. Я большую часть дней заперта в Розовом дворце без надежного информатора и у меня нет друзей в высших кругах. Поэтому я могу полагаться только на "друзей" Эммы, юных детей, живущих в подполье Радовальска, чтобы они служили моими глазами и ртом.

На моем лице появляется хитрая усмешка. "К следующей неделе я надеюсь, что столица будет гудеть от того, как императрица призвала молодую принцессу ко Двору Леди и сожгла ее, как только император уехал умирять восстание".

Эмма смущенно смотрит на меня. "Но зачем ты хочешь, чтобы все знали?" - тихо спрашивает она, ее 7-летний разум не понимает логики моих действий.

- Разве ты не слышала все те прекрасные вещи, которые люди говорят об императрице Катье? -

начинаю я терпеливо, довольный тем, что могу проводить ее через ход моих мыслей.

- Да, ваше высочество, - кивает Эмма, прежде чем процитировать: - Она добрая, милая и красивая. Она любит людей, как своих собственных детей.

- Ее собственные дети, - поправляю я. Я помогал Эмме избавиться от ее акцента в течение последних нескольких дней, и она оказалась быстрым учеником, почти звуча как совершенно другой человек.

- У меня есть секрет, который я хочу тебе рассказать, не знаю, сможешь ли ты его сохранить? - шепчу я заговорщически.

Эмма наклоняется вперед, возбуждение очевидно в ее глазах. Все дети любят секреты.

- Императрица.. хочет убить меня! - говорю я своей юной подруге правду, но она реагирует меньше, чем я думал, только ее брови поднимаются.

- И это все? - говорит она тускло, и на этот раз я тот, кто выражает удивление.

- Ну.. я имею в виду, что это довольно большая проблема.. но-" бормочу я, слегка обиженный тем, что тот факт, что моя мачеха хочет меня убить, не кажется Эмме особо важным.

- Я могу убить ее для тебя, ваше высочество, - говорит она затем спокойно, заставляя меня подняться в тревоге.

- Что?

- Разве так не работает? Если кто-то пытается тебя убить, убей его первым, - ты подумаешь, что Эмма говорит о погоде.

- Технически, это и не неверно, но.. Убийство - это не слишком? Кроме того, убить мать империи не так просто, как щелкнуть пальцами, - осторожно говорю я.

- Правда, - соглашается Эмма, и я слишком рано вздыхаю с облегчением.

- Просто отравить ее!

- Эмма! - вскрикиваю я, закрывая рот подруге, прежде чем неправильный человек услышит и сровняет Розовый дворец с землей.

- Давай прекратим разговоры об убийстве, хорошо? Я знаю, что ты одаренный ребенок, но даже избежать этого было бы слишком для тебя, - говорю я, пытаюсь убедить Эмму. Я не знаю, как объяснение силы общественного мнения превратилось в обсуждение убийства.

"Так, значит, ты хочешь, чтобы я поработала над своими навыками владения мечом? Не беспокойтесь, ваше высочество. Я обещаю вам, что стану принцем, который спасет вас", — говорит Эмма нежным голосом. Она так мила, что я хочу ущипнуть ее за щеки, и поддаюсь этому порыву минутой позже, когда тяну за только что появившиеся пухлые покрасневшие щеки теперь, когда я делюсь с ней своей едой.

"Это на самом деле не плохая идея. Я имею в виду ту часть, где ты учишься владеть мечом", - быстро поясняю я. В моей голове оживает мечта, где Эмма храбро машет своим мечом в сторону любого, кто попытается напасть на меня. Поскольку Эмма - девушка, в этом мире, в котором я застрял, никто бы не заподозрил ее.

Эмма смотрит на меня так, будто только что выиграла в лотерею. "Правда? Ты позволишь мне?" говорит она с самой оживленной улыбкой, которую я когда-либо видел на ее лице.

"Да, конечно", - отвечаю я, чувствуя себя застенчивым перед ее радостью. "Тебе даже не нужно спрашивать у меня разрешения. Пока это не мешает твоим обязанностям и времени, проведенному со мной, твоим лучшим другом, то чувствуй себя свободной делать это".

Но вся радость внезапно исчезает с ее лица, словно ее и не было.

"М-мы друзья?" говорит она с пустым выражением.

Я внезапно чувствую себя очень нервным и тру затылок онемевшими руками. "Я имею в виду, если быть техническим, ты лучший друг, которого я приобрел здесь. Но если этот термин тебя оскорбляет, я буду честен с тобой, Эмма. Я начинаю относиться к тебе как к сестре, которой у меня никогда не было", - бормочу я, глядя куда угодно, но не в ее лицо.

"С-сестры?" Ее глаза сияют, и к моему ужасу я вижу, как на глазах Эммы появляются слезы. Боже, теперь я заставил бесчувственного малыша разразиться слезами. Со мной с тех пор ничего не складывается, как я оказался в этом глупом мире.

Мой вид на лицо Эммы переключается на потолок, когда что-то теплое прижимает меня в объятия. Короткие волосы Эммы щекочут мой нос, заставляя хотеть чихнуть, но я подавляю это, потому что чихание при болезни, как правило, довольно противное. Я осторожно похлопываю Эмму по спине, пока ее плечи дрожат от слез.

"Да, Эмма", - говорю я тепло, "Мы сестры. Что значит, мы связаны друг с другом наравне!"

"Связаны наравне?" Ее голос приглушен, так как ее лицо погружено в мои простыни.

"Эм.. верные напарники, которые будут стоять друг за друга, несмотря ни на что! Неважно, болезнь это или могущественный враг, напарники будут вместе преодолевать все", - торопливо объясняю я свой современный ляп.

Дверь в мою комнату открывается, и неспешные, умеренные шаги говорят мне, что это Мари.

"Какая прелесть!" - воркует она, глядя на сцену. Интересно, как выглядит эта картина - две очаровательные маленькие девочки обнимают друг друга. "Но будьте осторожны, Эмма. Ее высочество заболела, и если ты заразишься, вы не сможете играть вместе несколько дней".

Я тихо фыркаю. Эмма и я никогда не играли вместе, и к счастью, она никогда не проявляла интереса к пылящимся в углу моей комнаты куклам. Но эти слова вызывают в Эмме что-то, и она отстраняется от меня, словно я в огне. Ее лицо все еще хранит довольную улыбку нашего только что установленного сестринского союза.

Последующие дни проходят быстро. Императрица Катя вызывает меня один раз за это время, но у меня есть удобное оправдание — на самом деле я болею, поэтому я провожу большую часть этих дней в постели, разрабатывая свои следующие ходы.

Это планирование вновь приводит меня на кухню Розового дворца, где я чихаю без остановки, случайно вдыхая муку.

"Я думала, ты говорила, что хорошо печешь, ваше высочество", - сухо говорит Эмма, наблюдая за моими мучениями, не утруждаясь вейти муку из воздуха.

"Я и умею!" - возмущенно настаиваю я. Мои навыки выпечки на самом деле посредственные, в лучшем случае, но для этого старомодного мира, в который я попал, мои лакомства весьма впечатляющи.

Я держу в уме слова Эммы с нашего сердечного разговора о ее жажде научиться владеть мечом. Поэтому сегодня я уже давно решила нанести еще один визит к королевской гвардии, чтобы укрепить мои отношения с ними и, если повезет, найти для Эммы готового учителя.

Лимонный аромат, проникающий из моей плетеной корзины, привлекает рыцарей, как мух. Едва я поднимаюсь на холм, как вижу несущихся не одного, не двух, а 30 рыцарей! На мне все тот же красный плащ, как в прошлый раз, и я почти спотыкаюсь о его длинную полу, когда невольно делаю шаг назад от приближающейся орды полураздетых, потных мужчин.

Эмма становится перед мной, защищая меня, ее небольшая фигура не намного больше моей собственной, и я чувствую, как тепло разливается в моем сердце от этого жеста. Его не упускают из виду и приближающаяся толпа, которая быстро обретает самосознание и отступает с немного застенчивыми выражениями.

В унисон, словно оттачивая это движение, ближайšie к нам мужчины опускаются на колени, положив кулак на грудь.

"Приветствуем вас, ваше высочество!" - говорят они с куда большим уважением, чем в прошлый раз.

Я скидываю брови в удивлении, прежде чем застенчиво сказать им встать. Тот, кто сказал, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, был не прав.

"Вижу, вы все сегодня в отличной форме. Я думала об усердной работе, которую вы все проделываете, и решила испечь для вас еще что-нибудь. Поскольку угощений не хватило на всех, я принесла две корзины! Надеюсь, что мое посещение не отвлекает вас от тренировок".

Я медленно хлопаю ресницами, воплощая образ сладкой, маленькой девочки.

"Что вы, не стесняйтесь! Мы были бы рады, если бы вы приходили чаще!" - возбужденно воскликнул кто-то из толпы. Я отчетливо слышу, как кто-то бьет его за то, что он вмешался не вовремя, и прикрываю рот, чтобы скрыть смешок, когда тот жалуется.

"Да ладно, это не моя вина, что повара в наших казармах пытаются нас отравить своей стряпней раньше, чем это сделают наши враги!" - ворчит он, его голос выдает признаки подросткового возраста.

Толпа зашевелилась, когда все разразились смехом, и я замечаю, что говорившим оказался тот самый веснушчатый мальчик, который первым схватил два моих чуррос. Он самый младший среди них, самый маленький, но товарищи-рыцари смотрят на него с теплотой.

Я замечаю дружелюбного Сэра Грегори, и, позволив рыцарям расправиться с двумя корзинами, которые мы с Эммой притащили, направляюсь к нему.

"Доброе утро, Сэр Грегори", - щебечу я ангельским голоском.

"Ваше высочество". Он не становится на колени, но прижимает кулак к груди.

Мы завязываем легкую беседу, которую нетрудно поддержать. Я нахожу Сэра Грегори

приятным человеком, его натура подобна горе или неподвижной скале. Глядя на него, легко понять, что он не из тех, кого можно легко поколебать или одурачить.

"Что вы думаете о женщинах, владеющих оружием? Например, мечами?" - я несколько раз взмахиваю невидимым мечом для наглядности, хотя он, вероятно, и так понял, о чем я спрашиваю.

В карих глазах сэра Грегори мелькает веселье, когда он задумчиво отвечает: "Я не против этой идеи. Как командир армии, я могу представить много ситуаций, в которых это могло бы пригодиться".

Я едва сдерживаюсь, чтобы не вскинуть руку в знак победы. Сэр Грегори не только порядочный человек, но и не связан предрассудками против женщин, распространенными в этом мире. Но это не гарантирует, что он согласится с моей следующей просьбой.

"Тогда", - начинаю я, нервно постукивая пальцами, "Вы думаете, что моя подруга Эмма могла бы этому научиться?"

<http://tl.rulate.ru/book/30200/3808724>